

«Контрабасы»

или

«Дикие гуси» войны

СЕРГЕЙ ГЕРМАН

Сергей Герман

**«Контрабасы» или
«дикие гуси» войны**

«ИП Стрельбицкий»

Герман С. Э.

«Контрабасы» или «дикие гуси» войны / С. Э. Герман — «ИП Стрельбицкий», — (Боевая работа)

ISBN 978-5-04-017060-9

Повесть "Контрабасы или дикие гуси войны" является описанием будней российско-чеченских конфликтов 1994 и 1999 гг. и попыткой переосмысления этих исторических событий. Главный герой, вполне успешный молодой человек, окончивший ВУЗ, владелец собственного бизнеса из-за внутрисемейных неурядиц становится солдатом-контрактником, отправленным в зону боевых действий на Северный Кавказ. Ему приходится принимать участие в зачистках, стрелять и убивать. Но он не бездумный убийца, а вполне думающий и размышляющий персонаж. Он хороший товарищ, не предаёт друзей и честно отработывает контракт. Но постепенно у него возникает непонимание того, что русские солдаты делают в Чечне? Почему одни люди стреляют в других? Почему стало возможным, что люди получили право безнаказанно убивать? Круговорот событий перемешан с внутренним миром героя, в котором воспоминания о любимой дочери переплетаются с ежеминутной страшной действительностью и насилием над собой.

ISBN 978-5-04-017060-9

© Герман С. Э.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Пролог	6
Как я стал контрабасом	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Герман «КОНТРАБАСЫ» ИЛИ «ДИКИЕ ГУСИ» ВОЙНЫ

*«Защита Отечества является долгом и обязанностью
гражданина Российской Федерации».*

Статья 59 Конституции РФ

Все эта история выдумана от начала и до конца. На самом деле ничего этого не было. Не было чеченской войны, не было тысяч погибших, раненых, сошедших с ума на этой войне и после неё. Не было обглоданных собаками и крысами трупов, человеческих тел, сваленных в грязные ямы как отбросы. Не было разбитых российскими ракетами и снарядами российских городов и сёл.

И много ещё чего не было. Как не было и никогда не будет меня.

Все совпадения с реально существующими людьми и реально происходившими событиями рекомендуется считать совершенно случайными, и абсолютно непреднамеренными.

Пролог

«Дикие гуси» – так в средневековье именовали ирландских солдат, отправлявшихся воевать на чужбине. Российских солдат-контрактников, воевавших в Чечне называют «контрабасами». Наверное потому, что слова «контракт» и «контрабас» созвучны. Да и Чечня, де «юре» пока ещё территория России. Кое-кто пробовал называть контрактников на западный манер – «псами войны» или «дикими гусями». Но это не прижилось. Контрабасы – лучше.

А вот чеченцев называют «чехами». Но об этом, думаю, все знают.

В 42-й мотострелковой дивизии, совсем недавно воевавшей в Чечне, солдат-контрактников было около 14-и тысяч. Возраст в основном от 19-и до 30-и, но попадались 35-и и даже 40-летние. В первую войну в Чечне воевал 694-й мотострелковый батальон, который неофициально называли «Казачий батальон имени Ермолова». Отчаянно сражался, *обезбашенно*. Чехи его реально побаивались. Так там даже 50-летние дядьки встречались.

Когда Путин стал Верховным главнокомандующим, в Чечне стало меньше голодных и запуганных срочников. Воевали уже взрослые мужики, у большинства которых за спиной была не одна война.

Но избавившись от одной болячки, военное руководство нажило себе другую. Это только в газете «Красная звезда» контрактников называют профессиональной армией, на самом деле – это стихия.

Их не помордуешь как солдат-срочников, не поморишь голодом.

Зимой 2000-го на моих глазах пьяные контрактники подняли с постели военного коменданта Северной зоны безопасности и чудом не набили ему морду за невыплату зарплаты. Я был свидетелем того, как осенью 99-го перед отправкой в Чечню солдат-контрактник напрямую спросил генерал-лейтенанта Бабичева, почему туда посылают неподготовленные подразделения? Стоящий рядом комбат, от страха впал в ступор. Мысленно он прощался с должностью и готовился к самому худшему. Хотя, казалось бы, что может быть хуже Чечни?!

Но обошлось. Бабичев никого наказывать не стал. Среди генералов тоже ведь есть нормальные мужики. Ну а комбат, после того как мы вошли в Чечню и обустроились, на радостях пил неделю.

Кто шёл в контрактники? Первая и очень немногочисленная категория – вояки. Как говорит Дима Пушкарёв: «Война – она, как наркотик, – затягивает». Сам Пушкарёв срочную служил «за речкой», потом несколько лет в ментовке, из которой его уволили за несдержанность и отмороженность, потом Чечня. В моей роте есть ещё несколько таких, как он. Для кого война стала профессией. Для тех, кто прошёл Афганистан, Приднестровье, первую чеченскую кампанию. Деньги для них – дело второстепенное. Спустить за отпуск в кабаках тридцать, сорок, пятьдесят тысяч – «Не проблема!» Поехать к морю на такси? «Легко!»

Кончились заработанные потом и кровью «боевые» – новый контракт на полгода или год.

Но практически никто из контрактников не ставит цели на всю жизнь оставаться на контракт. Если у кого и есть такие мысли, то очень быстро пропадают. Да и отцы-командиры после военных действий оставлять у себя людей воевавших, не собираются. На контрактников смотрят как на пушечное мясо недолговременного хранения и не более.

Но есть и такие, как инструктор разведки, Игорь Прибный или просто Степаныч.

Бывший подполковник РУБОПа, пенсионер по выслуге. Ему 44 года. Война – это его состояние души. В каком Степаныч здесь статусе – никто не знает, но боевые он не получает, несмотря на то, что делает самую нужную и опасную работу: ищет и снимает растяжки,

ползает с разведчиками к чехам, натаскивает их, как снимать часовых, учит, как убивать ножом и ещё многому другому. Я спрашиваю:

– Степаныч, ты сколько раз на войне был?

– Пять.

– Не надоело?

– Надоело!

– А чего же, опять здесь?

– Профессия у меня такая, призвание. Родину защищать.

Я не помню, когда сам в последний раз произносил это слово – Родина. Вроде ещё в армии, во время присяги. Как там? – «Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик» Потом долгое время мне было как-то было не до неё. А потом, та Родина, которой я приягал исчезла, и на ее месте не образовалось ничего. Мне даже как-то стыдно перед Степанычем. Я тяну извиняюще:

– А-аааа! Тогда понятно.

У нас в роте несколько хлопцев с татуированными пальцами. Перстни там всякие, что они означают, точно не знаю, но Степаныч просвещает:

– Ага, вот это – гоп-стоп, грабёж, то есть. А это – малолетка.

– Степаныч, а ты дискомфорта не испытываешь? Всё-таки мент, хоть и бывший. А это – урки.

Степаныч усмехается в свои вислые хохляцкие усы:

– Ну и шшо, Алоша?

Он зовёт меня Алоша. Когда Степаныч в настроении, то говорит на какой-то русско-украинско-белорусской смеси. Он называет её-балачкой.

– Это они *там* были распиздяи, а *здесь* солдаты. У нас полстраны сидело. Если усих *сидевших* не брать, кто Россию защищать буде?

– Всё правильно, кто тогда будет защищать Россию?

Основная категория – это те, кто поехал на войну подзаработать. В России очередной кризис.

Границы голые. Охранять их дорого, в стране нет денег. Кому не лень воруют и вывозят ценности свободно через границу, а внутри всё требуют и требуют сокращения вооружений, ухода из Таджикистана, демократии, многопартийности, свобод, денег. Но, похоже, что это уже не спасёт. Положение не изменится. Промышленность стоит.

Зарплату не платят, талант торговать имеет не каждый, а семьи голодные. Деньги занимают друг у друга, у родственников, знакомых, друзей. Государство покупает за рубежом предметы повседневного спроса-мыло, стиральные порошки, туалетную бумагу.

После недавних взрывов в Москве, российское правительство и СМИ назвали основной виновник всех бед. Чечня!

Индикатор народной ненависти сразу зашкалил. Страна захотела войны. Война была желанна многими.

А что? С экономической точки зрения – война выгодное предприятие.

Богатые захотели стать очень богатыми. Нищие озаботились свести концы с концами.

Путин пообещал контрактникам платить боевые – 800 рублей в день. Плюс основная зарплата. Плата за должность. Звание. Выслугу. Получается много. Около тысячи рублей.

Около тысячи рублей в день! Больше тридцати штук в месяц!

И народ стали вербовать деньгами. В военкоматы потянулись очереди. В основном, тех кто уже давно на завтрак, обед и ужин, а также на первое, второе и третье потреблял одни макароны.

И каждый вечер в солдатских палатках диспуты: заплатят или, как всегда нае...т, нагреют в общем?

Большинство контрабасов и не скрывают, что в Чечню их привело ни желание восстановить конституционный порядок и не угроза территориальной целостности России. Основная причина контракта – «возможность решить свои материальные проблемы».

Но встречаются и те, кому обидно за державу! Один из них, Толя Беленко.

Он распаляется больше всех:

– Губу раскатали, дадут вам боевые... Как же! Да где Россия денег столько найдёт? Если учителям и врачам по полгода не платят?

Мы пытаемся подсчитать, сколько уйдёт на зарплату только нашей роте. А батальону? Полку? Ди-ви-зии?... У-уууу!

Соглашаемся. Опять нае...т, то есть нагреют.

Как я стал контрабасом

Сколько водки можно выпить за три дня? Одному. Три бутылки? Шесть? Десять? Ошибаетесь – ящик. Именно столько пустых бутылок я обнаружил однажды утром рядом с диваном. Прошедшее вспоминается с трудом, какими-то лоскутьями.

После первых пьяных суток водка идёт уже как вода. Организм не реагирует на вкус и запах. Я отрываю голову от подушки, наливаю половину гранёного стакана, выпиваю, отрубаясь. Через час просыпаюсь, наливаю снова и снова отрубаясь. Ночью просыпаюсь, вспоминаю, что живу почти в прифронтовой полосе. Здесь по ночам исчезают люди, угоняют скот, взрывают дома. Решил – живым не сдамся. Сваливаюсь с дивана, доползаю до шкафа, вытягиваю карабин. Здесь же и патроны. Один загоняю в ствол. Карабин кладу под подушку. Держитесь, суки!

Днём просыпаюсь от головной боли. Подушка сползла и голова моя лежит на деревянном прикладе. Вот блин, карабин-то мне зачем?

На пороге сидит кот. Смотрит на меня голодными, злыми глазами. Тоже укоряет, сука!

Решаю напугать неблагодарную тварь, два года назад спасённую мной от голодной смерти. Навожу на него ствол, плавно выжимаю спуск, хочу выкрикнуть – пуф-ф!

Не успел. Карабин дёргается в руках, сноп пламени и дыма. Ба-бах! Бля...! Забыл про патрон.

За секунду до выстрела, кот испарился из комнаты. Вот что значит пройти школу выживания!.. На обоях аккуратная дырочка с ровными краями. Чуть не оглох. В комнате воняет порохом. Пытаюсь высчитать, какой сегодня день недели – воскресенье или понедельник. Если выходной, тогда плохо. Все соседи дома, слышали выстрел, сейчас вызовут ментовку.

Звонок в дверь раздаётся минут через пятнадцать. Вот, суки, быстро же они, когда не надо! Преодолеваю тошноту, плетусь открывать. Я никогда не спрашиваю через дверь – кто?

Всё равно, если это за мной, то найдут. Не в квартире, так на улице. Или в подъезде. Или в лифте.

На пороге стоит Гена Щекотин. В руках у него полиэтиленовый пакет с характерными выпуклостями. Видать, Гена пришёл неспроста. Он – в прошлом офицер, замполит. Поговорить за жизнь – это у него в крови. Прямо с порога начинается погрузка.

– Зашёл к тебе сегодня в офис, а секретарша говорит, что ты три дня глаз не кажешь. Телефон молчит. Вот я и подумал, что надо зайти. Может заболел. Твоя-то не вернулась?

– Не-е, Ген, не вернулась. И не вернётся. На прошлой неделе звонила, сказала, что разводится.

– Да-а, Лёха, дела. И чего им надо, дурам? Моя тоже сбрендила, говорит, забирай вещи и уходи. Можно, я у тебя с недельку перекантуюсь? А?

– Да живи, места хватит.

Гена достает из пакета бутылку пива – «Балтика», девятка. Это значит, что сегодня я вряд ли буду трезв.

Гена смотрит на стенку, его взгляд фокусируется на отверстии. Глазастый!

– А ты чего, не успел ремонт сделать, уже дырки в стене ковыряешь?

– Соседей слушаю, у меня там прокурор живёт. Так я теперь обо всех преступлениях в городе знаю.

Приятель начинает меня утомлять, хочу закрыть глаза и никого не слышать. Значит – развод, и Машка останется с ней. Никакой суд не оставит пятилетнюю дочь с отцом.

Ловлю себя на мысли, что совершенно не слушаю Генкин трёп. Пытаюсь сконцентрироваться.

– Вчера вечером видел Сашку Мартынова, у нас гаражи рядом.

Вот Генка, мудака, одно слово – замполит. Никак не может коротко. Мартынова я знаю, мой гараж тоже рядом. Сашка служит в военкомате. А чего он с дырки в обоях переключился на военкомат?

– Так вот, Сашка сказал, что с Чечни будут выводить всех срочников, теперь воевать будут только профессионалы, контрактники. Военкомат уже объявил набор. Вот я и говорю, давай наших ребят наберём с десятков – офицеров, спортсменов, афганцев, и пойдём.

Перспектива посвятить свою жизнь армии как-то не улыбается. Спрашиваю:

– А на сколько контракт?

Щекотин смотрит мне в лицо. В его глазах воодушевление.

– На полгода всего, Лёха. Смотри, я уже всё продумал. Сейчас поживу у тебя, завтра поеду к Сашке, напишу заявление. Через пару недель уеду. Моя кикимора хватится, а меня – тью-тью – нет. Где? В Чечне. Вот тогда она локти кусать и начнёт. Ещё и капусты срублю, обещают хорошие деньги платить, каждый день по штуке боевых закрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.